

ЗВЕЗДА

1998 5

В НОМЕРЕ И. БРОДСКИЙ, С. ДОВЛАТОВ

- Евгений Рейн
Стихи.
- Валерий Попов
Пропадать, так с музой. Рассказ.
- Соломон Волков
Разговоры с Иосифом Бродским.
- Кейс Верхейл
Вилла Бермонд. Роман. С голландского.

ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

ЭДУАРД ШНЕЙДЕРМАН

КРУГИ НА ВОДЕ

(Свидетели защиты на суде над Иосифом Бродским перед судом ЛО Союза писателей РСФСР)

Когда в середине 1960-х годов я впервые прочел записанную Фридой Вигдовой стенограмму суда над Иосифом Бродским, состоявшегося 18 февраля и 13 марта 1964 года,¹ — перепечатку ее на папиросной бумаге храню и по сей час, — меня поразила лживость этого публичного действия, абсурдные стереотипные начальные фразы выступлений шестерки свидетелей обвинения — свидетелей, никогда в глаза не видевших обвиняемого: «Я лично с Бродским не знаком. <...> Знаю о нем по печати»; «С Бродским я лично не знаком. Впервые встретил его здесь, на суде» и т.п. После такого зачина судья Савельева обязана была лишить их слова, признав лжесвидетелями. Но она не только позволила им довести до конца свои «показания», не содержавшие никаких конкретных фактов, но сочувственно всех выслушала, ни разу не прервала и старательно оберегала от «каверзных» вопросов защитницы. И, напротив, раздраженно реагировала на выступления свидетелей защиты В. Г. Адмони, Н. И. Грудининой и Е. Г. Эткинды, хоть и в разной степени знакомых с обвиняемым, но, главное, знавших его переводы. А ведь именно переводы стояли в центре судебного разбирательства, основной вопрос которого был: может ли переводческая работа Бродского считаться «общественно-полезным трудом».

Подвергая сомнению все сказанное свидетелями защиты, судья в то же время доброжелательно выслушивала Е. Воеводина, представившего справку о Бродском от Комиссии по работе с молодыми писателями, хотя тут же выясняется, что справка эта написана им самим и, по сути, является подлогом.

Все происходившее на суде могло бы вызвать недоумение, если бы не выяснилось в дальнейшем, что действовала судья не по своему почину (хотя, конечно, и по зову своего партийного сердца), — за ее спиной стояло партийное руководство города во главе с первым секретарем Обкома КПСС В. С. Толстиком; подключено было также руководство Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР.

Приговор — 5 лет ссылки за тунеядство — был вынесен, но единодушного осуждения Бродского не получилось. Этому помешали выступившие на суде Адмони, Грудинина и Эткинд. И судья решила покарать их с помощью писательской организации. Ведь и общественный обвинитель Сорокин требовал в своей речи на суде: «Надо проверить моральный облик тех, кто его защищал». Камнем, бро-

Журнальный вариант.

Эдуард Моисеевич Шнейдерман (род. в 1936 г.) — литературовед, текстолог и поэт. Автор поэтического сборника «Свалка» (1994) и публикаций в журналах «Искусство Ленинграда», «Звезда», «Время и мы» и др. Живет в С.-Петербурге.

© Эдуард Шнейдерман, 1998

шенным в стоячий пруд ЛО СП РСФСР, явилось «Частное определение», сочиненное судьей сразу после окончания суда. Вот его текст.

«Дело № 5—10

13 марта 1964 года

ЧАСТНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Дзержинский районный народный суд гор. Ленинграда в составе председательствующего Савельевой и народных заседателей Тяглый и Лебедева при секретаре Коган с участием общ. обвинителя Сорокина и адвоката Топоровой рассмотрел в открытом судебном заседании в гор. Ленинграде

13 марта 1964 года

дело на БРОДСКОГО Иосифа Александровича по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 4/V — 1961 года «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни».

При рассмотрении дела суда

установил:

что свидетели: поэтесса Грудинина, доцент Педагогического института им. Герцена Эткин, научный сотрудник Адмони, все члены Союза писателей, выступившие в защиту тунеядца Бродского, пытались представить в суде пошлость и безыдейность его стихов как талантливое творчество, а самого Бродского как непризнанного гения.

Такое поведение Грудининой, Эткина и Адмони свидетельствует об отсутствии у них идейной зоркости и партийной принципиальности. Народный суд считает, что Лен. Отд. Союза писателей РСФСР должно обсудить поведение чл. Союза писателей т. Грудининой, Эткина и Адмони на суде. А поэтому нарсуд

ОПРЕДЕЛИЛ:

Довести до сведения о вышеизложенном Лен. Отд. Союза писателей РСФСР.

О принятых мерах сообщить суду в срок до 13/IV — 1964 года.

Нарсудья:

Савельева

Нарзаседатели: Тяглый и Лебедева (подписи)².

Сразу после суда сообщения о нем появились в ленинградских газетах: 14 марта — «Суд над тунеядцем Бродским» в «Вечернем Ленинграде», 15-го — «Тунеядцу воздается должное» в «Смене» (обе без подписей). Свидетели защиты, говорилось в первой заметке, «с пеной у рта пытались доказать, что Бродский, опубликовавший всего несколько стихов, отнюдь не тунеядец»; «Говоря откровенно, — негодовал автор второй, — стыдно было за этих людей <...>. На какие только измышления не пускались они!»

Вскоре в кампанию травли включилось руководство Союза. По стоячей воде пошли круги.

КРУГ ПЕРВЫЙ

19 марта проходило заседание Правления ЛО ССП совместно с писательским активом, посвященное итогам литературного года и приуроченное к годовщине встречи руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства, устроенной по инициативе Н. С. Хрущева в 1963 году, — в общем-то, обычное собрание, какие десятки раз бывали и до, и после этого.

Началось как всегда. Вступительное слово произнес ответственный секретарь ЛО А. Прокофьев. После перечисления впечатляющих достижений ленинградских писателей — за отчетный период ими было опубликовано 200 произведений — перешел к недостаткам, связанным «с ослаблением внимания к идейному воспитанию молодых литераторов, да и не только молодых! <...> Оголтелая защита на суде тунеядца Бродского со стороны Грудининой, Адмони и Эткина, защита, которая шла вопреки мнению писательской общественности, ставит под сомнение идейную зрелость некоторых литераторов». Закончил цитатой из Хрущева.³

Собрание пошло как по маслу. Н. Браун доложил о работе «поэтического отряда ленинградских писателей». Г. Гор вслед за Прокофьевым коснулся «такой большой, сложной и интересной темы, как химия, как химизация сельского хозяйства». А Минчковский выразил радость по поводу активизации работы драматургов «после исторических встреч».

Все шло гладко. Но тут произошел сбой, настоящее крушение собрания. Слово взял Д. Дар:

«...Я много лет работаю в Комиссии по работе с молодыми писателями, куда я напросился, куда меня не выбирали, и я вижу, что не выполняю своих обязанностей и не оправдываю надежд, которые возложил на меня Секретариат. В этом году комиссия работала плохо: мы не стали помогать нашей молодежи, мы не обсудили ни одной работы молодых талантливых писателей <...>».

Наш Секретариат назначил своим референтом Евгения Всеволодовича Воеводина. Для того, чтобы работать с молодежью, нужно быть творчески талантливым. Но в силу ряда причин Евгений Всеволодович не обладает качествами, которые необходимы для работы с молодыми писателями, и наша работа пошла не по тем каналам. Началась она с того, что Евгений Всеволодович в результате тщательного анализа обнаружил крупные идейные ошибки в рукописях Ефимова, Марамзина и Битова, в тех рукописях, которые были приняты. Он сообщил, что обнаружил «скрытую фронду», и написал докладную А. А. Прокофьеву. Если бы там была «скрытая фронда», то это обнаружили бы до Воеводина десять писателей, которые читали эти рукописи. В общем, вся работа нашей комиссии пошла по линии выискивания ошибок, а не по линии помощи перечисленным авторам рукописей. <...>

Когда возник вопрос с Бродским, мы поставили вопрос о том, что нужно обсудить его на комиссии. Если он тунеядец, то заниматься им должны мы. Мы ставим вопрос: давайте поговорим с Бродским, вызовем его. «Нет, — говорят, — это трудно. Это требует ума, чуткости, такта». В общем, мы не говорили с Бродским и дождалась, пока разразилась эта история. <...> Сейчас на суде фигурировала фальшивка от имени нашей комиссии, которая была противопоставлена телеграммам Чуковского и Маршака. Комиссия рассматривает действия Воеводина как направленные на разжигание этого конфликта между поколениями, которого не существует, на настраивание молодежи против нас и нас — против молодежи.

Поэтому, если говорить об итогах года, то мы на будущее должны не выискивать через лупу то, что можно не так трактовать. Мы знаем, что в свое время критиковали и Прокофьева за перевод стихов Сосюры.⁴

Вы говорите: «Защита, которая шла вопреки мнению писательской общественности». Нет мнения общественности! Бродский был популярен среди молодых, и они спрашивают: «Объясните, что происходит с Бродским?» Что им отвечать? Как я должен отвечать? Нельзя воспитывать людей келейно на закрытом заседании Секретариата!»

Д. Дар закончил. Его речь — полная неожиданность для Прокофьева; он просит не поднимать в дальнейшем эту тему, обещая «по существу вопроса о Бродском» «сформулировать и изложить» в заключительном слове.

Но следующая, короткая речь Э. Линецкой о работе молодых переводчиков снова оказывается посвящена главным образом Бродскому как «очень талантливому переводчику», который «в течение последнего года <...> работал очень активно». Линецкая выражает возмущение по поводу газетной травли свидетелей защиты: «...Мне было очень грустно слышать имена моих товарищей: имя В. Г. Адмони — профессора, ученого с мировым именем, имя Е. Г. Эткинда — крупнейшего специалиста по переводам, в особенности переводам поэтическим, имя Натальи Грудониной — известной поэтессы — в сочетании с эпитетом «оголтелые»...»

Прокофьев еще припомнит Адмони эту оценку — «ученый с мировым именем». Но сейчас он растерян и просит у собрания поддержки: «Я хочу спросить членов Правления: как мы будем реагировать и как я как председатель должен реагировать на такие выступления? <...> Мне лично кажется, что недопустимо использовать эту трибуну для защиты (я говорю не для разжигания страстей) — для защиты этого проходимца и паразита Бродского. Повторяю: недопустимо. Да и суд уже вынес свое определение» <...>.

«А если говорить не о Бродском, а о наших товарищах — Адмони, Эткинде и Грудониной? — направляется к трибуне И. Меттер. — Я не хотел бы обманывать собрание». — «Тогда скажите возможно более кратко», — вынужденно соглашается Прокофьев. Но тут поднимается шум, кто-то с места кричит, что не знаком с обстоятельствами дела, кто-то требует перенести обсуждение этого вопроса на Секретариат.

На трибуну выходит Н. Долинина. Она очень волнуется — ведь ее совсем недавно, месяц назад приняли в Союз. «Мне кажется, — говорит она, — что делать работу с молодежью нужно чистыми руками. <...> У меня был товарищ детства Женя Воеводин, а теперь у меня больше нет товарища Жени Воеводина,

так как этот человек на суде совершил подлог. Я была на суде. <...> Это было очень стыдно для Союза писателей, и всем нам, любящим Союз писателей, присутствовавшим там, было просто безумно стыдно за Союз. Я считаю, что единственный выход из этого положения — поставить на работу с молодыми человека с чистыми руками, человека, морально достойного этой работы. <...> И последнее. Я хотела бы, чтобы мне сказали — что я должна отвечать моим ученикам, настоящим и бывшим, когда меня спрашивают: «За что осуждают Грудинину, Адмони и Эткинда?» — «Отвечайте, как вы считаете нужным», — рекомендует ей Прокофьев.

Вновь слова требует Меттер. «Я слышал, что Адмони, Эткинд и Грудинина в докладе А. А. Прокофьева были названы оголтелыми защитниками Бродского, — говорит он. — Так как я знаю характер их выступлений на <...> заседании суда, <...> то я должен сказать, что если они оголтелые защитники, то и я оголтелый защитник, потому что обвинение Бродского по статье тунеядства (а я имею право говорить об этом потому, что я семь лет хожу по милициям, пишу о милиции и знаю законы) мне кажется неверным. И то, что решение суда состоялось, вовсе не лишает меня права считать, что тут происходит какая-то ошибка. <...> Долг писателя и гражданина заключается, в частности, в том, что если на его глазах совершается что-то несправедливое, он как свидетель обязан выступить».

Последним на трибуну выходит Эткинд. Однако говорит он не о Бродском, не о своей обиде на оскорбительные выпады газет, но о давно наболевшем — о тяжелом положении ленинградских переводчиков в связи с отсутствием в городе издательств, выпускающих переводную литературу.

Собрание фактически сорвано. Прокофьеву, разумеется, горько: никто его не поддержал, никто не решился на это в настроившемся сочувственно к его оппонентам зале. И заключительное слово председателя, сбивчивое, ключковатое, оканчивается почти целиком посвященным Бродскому и его защитникам. «...Что касается дела, которое выплыло в связи с выступлением Д. Я. Дара. Темперамента Давида Яковлевича хватит для того, чтобы разжечь даже какую-то дубину, которая дала бы электрический ток, приводя в движение сердца. Ну что ж, он затронул и мое сердце, в том числе как руководителя. Я, товарищ Давид Яковлевич Дар и другие товарищи, <...> хочу идти в ногу в тех шеренгах людей труда, о которых с гордостью говорит партия. Поэтому вся эта (не нахожу другого слова!) возня, которая идет вокруг и около Бродского, мне донельзя опротивела». Потом заступает за Е. Воеводина: «Вы походя кладете <...> пятно на очень хорошего работника и писателя, между прочим, молодого». Переходит к Бродскому: «Давид Яковлевич говорит, что Бродский популярен среди молодежи. Среди какой молодежи он популярен? Ведь он напечатал только одно стихотворение в «Костре». <...> Известны телеграммы и Маршака, и Чуковского, и Долматовского. Ну и что же? Это их дело. Это дело их совести — защищать человека, которого не стоит защищать, потому что это не тот человек». Сетует на отсутствие Гранина: «Он должен был бы отвечать на это, а не я, грешный или многогрешный... Как мог он не прийти на такое собрание?» Несколько раз возвращается к выступлению Долининой, явно задевшему его: «Опять-таки заявление Натали Долининой: «Безумно стыдно за Союз!...» А я никакой краски стыда не испытываю!...» Только под конец вспоминает о повестке дня. И — объявляет собрание закрытым.

КРУГ ВТОРОЙ

На следующий день, 20-го, устроено было совместное заседание Секретариата и партбюро, целиком посвященное обсуждению поведения на суде Адмони, Грудининой и Эткинда. Оно ничего окончательного не решило — не было кворума (отсутствовал, в частности, председатель Комиссии по работе с молодыми писателями Д. Гранин), и поэтому вскоре пришлось собираться вновь.

Заседали в узком кругу — помимо вызванных на расправу, присутствовали И. Авраменко, Н. Браун, Н. Брыкин, П. Капица, Г. Некрасов, Г. Сергеев, Д. Хренков, А. Чепуров, А. Шейкин; был и Е. Воеводин, но, судя по стенограмме,⁵ в дискуссии не участвовал, ограничился лишь одной короткой репликой. Обсуждение, как, впрочем, и следующее, протекало чрезвычайно сумбурно — выступавшие перескакивали с темы на тему, повторялись и повторяли друг друга.

Приглашенные один за другим зачитывали свои показания на суде. И вот что здесь для нас существенно. Если Грудинина и Эткинд выступали там «без бумажки» и уже потом записали свои слова, то Адмони («Должен оговориться, что

память у меня плохая») читал по заранее написанному тексту; прочел и теперь. С записью Ф. Вигдоровой этот текст совпадает почти дословно. Сопоставление доказывает большую точность, с которой Вигдорова произвела свою запись. Это важно нам знать еще и потому, что через 25 лет Л. Лернер заявил в печати, будто Вигдорова вообще не присутствовала на суде и ее стенограмма вымышленная.⁶ Впрочем, и Бродский говорил впоследствии, что Вигдорову удалили из зала в начале заседания.⁷ Он, разумеется, ошибся — ведь не Вигдорова во время суда была в центре его внимания.⁸

На заседании, как это было и на суде, одной из тем обсуждения служили заработки Бродского переводами, причем и теперь игнорировалось, что за некоторые работы он получил еще только аванс, что ему был прислан из Москвы для подписания договор (вероятно, на перевод стихов Галчинского).⁹ Бродский, рассуждал, получил за переводы немного (для большей убедительности сумма гонимых преуменьшалась), не мог себя прокормить, находился на иждивении родителей и, следовательно, являлся тунеядцем. «Но, товарищи, — восклицал Абраменко, — он наработал для общества всего на 200 рублей за два года, а сидит за столом, как вы говорите, много и упорно. Где же результат его труда, где же отдача обществу? Общество от него ничего не имеет, он паразитирующий элемент».

Свидетели, столь же безуспешно, как неделю назад в суде, пытаются объяснить — но теперь-то своим коллегам-писателям, которые и сами должны понимать, что важно не количество оплаченных строк, но обнаружившийся у Бродского недоюжный переводческий талант, — что в суд они пошли затем, чтобы объяснить это и защитить талант. Напрасно Адмони стремится растолковать, что для художественного перевода «нужен труд — упорный, кропотливый, настойчивый. Когда мне сказали, что его судят за тунеядство, я и считал своим долгом пойти на суд и доказать, что он не тунеядец, <...> сказать о его работе то, что я думаю». Напрасно и Грудина говорит: «...Защищать его пошла потому, что уважаю человека за то, что человек полтора года работает с таким наполнением и объемом, что его к тунеядцам никак нельзя отнести». Не вызывают понимания и слова Эткинда: «...Мне кажется, что <...> разговоры в суде о заработках носили весьма странный характер. Ведь важно в работе переводчика не сколько он заработал, а сколько сделал, перевел. <...> Заседатели были не компетентны в вопросах процесса литературного труда. <...> Создалось впечатление, что работа переводчика, поэта — это не общественно-полезный труд. <...> Литератора должны судить писатели».

Могли ли осуждаемые вообразить, что им ответят на это секретари?! «Другое дело, если бы он написал еще свои стихи, а то переводы, и возникает, естественно, вопрос: а кто ему их переводил? сам ли он этим занимался?» — рассуждает Сергеев, совсем как председатель Тяглый, который на суде спросил у Грудининой: «Вы сами когда-нибудь видели, как он лично трудится над стихами, или он пользовался чужим трудом?» «Видно, ясно видно, — идет дальше Тяглого с Сергеевым Прокофьев, — что делалось это все в спешке, для суда, делалось дружками, чтобы доказать, что он не тунеядец, выручить его». На следующем заседании Сергеев выскажет предельно откровенно: «...Что он сделал за последние месяцы и сам ли он это сделал — это еще тоже вопрос. По-моему, эти переводы сделаны не без участия товарищей, которые его так горячо защищают».

Можно только гадать, где родился этот вымысел — в Секретариате Союза писателей или в недрах ленинградского КГБ. Но еще накануне второго заседания суда он докатился до московского начальства. 12 марта у К. И. Чуковского «завыл телефон», — говорил зав. отделом административных органов ЦК КПСС генерал-майор Н. Р. Миронов: «Не занимайтесь этим делом, товарищ Чуковский, оно грязное! <...> Бродский не сам пишет свои переводы, за него работают другие».¹⁰

Заседание продолжалось. «Товарищи, <...> не в таком плане надо вести разговор», — переходит на иную, зловещую тему член партбюро Капица. «На суде ему было предъявлено обвинение только в тунеядстве», — пытается возразить Эткинд. Действительно, судили Бродского только за тунеядство, и в приговоре политический мотив не нашел отражения. Но все же на суде он прозвучал. Прежде всего в выступлении Е. Воеводина, упомянувшего о якобы характерной для стихов Бродского теме «нелюбви к Родине, к народу»; повторил это и общественный обвинитель Сорокин, добавив «антисоветскую» цитату из юношеского дневника поэта. Теперь эта тема выходит на первый план. Чепуров, Некрасов, Шейкин один за другим обвиняют Адмони, Грудину и Эткинда в том, что они пошли в суд защищать Бродского, «не зная общего политического лица подсуди-

мого». «...Не того вы взялись защищать, кого надо было, — резюмирует Капица. — <...> Бродский — человек, убежденно стоящий на неверной, другой, враждебной нам позиции».

И тут Илью Авраменко осеняет поистине сенсационная догадка: «Из всех выступлений по крохам собрано политическое кредо этого человека. А не думали товарищи свидетели, защищавшие его, что <...> эти переводы — может быть, это шпионские шифры? Не думали ли вы об этом, товарищи? Иногда прибегают к зашифровке в переводах! И улыбка Грудининой меня удивляет».

Из секретарей не улыбнулся ни один — решили, что возможен и такой вариант? Тем более не до смеха стало, когда Шейкин, по преимуществу популяризатор и немного фантаст, предостерег: «Мы живем, товарищи, в стране, где кто не работает, тот не ест. <...> Если об этом забудем — все погибнем».

Донкихотски-безоглядной смелостью повеяло на миг от слов Брауна: «Если бы Бродский был только бездельник, но талантлив, — я бы тоже пошел его защищать, может быть. <...> Если бы я понял, узнал его душу, увидел его большое желание перевоспитаться, переосмыслить, понять все, что им сделано неверно, увидел его большое желание избавиться от всего того, что было у него раньше, — я бы, может, тоже пошел хоть на костер для защиты его». Но костром тут и не пахло, поскольку Брауну «было ясно его общественное и политическое лицо», а в таланте Бродского он сильно сомневался. Однажды Браун слышал чтение Бродского в Союзе: «...Стихи плохие, вредные. Одно из них было хорошим, и я его отметил. Но все стихи были направлены против человечества. <...> Он прочел нам стихи и демонстративно ушел с секции, уводя за собой целый хвост каких-то девиц и парней — своих друзей; иначе говоря, он отказался выслушать все то, что мы хотели сказать ему».

Больше всего упреков выпало на долю Грудининой — она лучше остальных знала Бродского, неоднократно с ним встречалась. В конце 1963 года, рассказы-вала она, «я вызвала к себе Бродского, говорила с ним, «драила» его крепко и выяснила, что он стал работать как переводчик, <...> что он изучает сам языки, что он бросил компанию, что за ним нет никаких ни грехов, ни грешков, что он сидит дома и работает, работает много. <...> Я увидела человека, взбешенного клеветой (ему приписывались в «Вечернем Ленинграде» стихи вовсе не его¹¹ <...>), — он говорил, что у него был обыск, отобрали письма, дневники...» «Раз он работает, так, извините, он уже не тунеядец», — пытается объяснить Грудинина.

Алогичность упреков поразительна: Адмони и Эткинда обвиняют в том, что они пошли в суд защищать Бродского, недостаточно зная его, Грудинину — что знала, но не разобралась в его антисоветской сущности. И это при том, что каждый из секретарей с нескрываемой гордостью заявляет, что ни с Бродским, ни с его стихами не знаком. «Я лично Бродского не знаю, — говорит Сергеев и тут же принимается поучать: — Прежде чем идти в суд и защищать его, не зная его облика, вы бы посоветовались с секцией, с Секретариатом». «Вам надо было зайти раньше в Союз и посоветоваться...», «Вы должны были посоветоваться с организацией...» — вторят ему остальные. Выразительнее других высказывается Прокофьев: «Я его не видел и видеть не хочу, не знаю его, и слава богу, что не знаю. Мне говорили: не хотите ли почитать его вирши, — я не хотел засорять свою голову и сердце». Что они могли посоветовать?

А между тем Грудинина, которой все не давали дочитать текст выступления на суде, постоянно ее прерывая, сумела все же добраться до заключительной части: «...Я была чрезвычайно удивлена изложенной адвокатом бумаге за подписью референта Е. Воеводина, в которой говорилось об отношении комиссии к Бродскому и его «делу». Бумага эта, по заявлению Воеводина, была утверждена Секретариатом, между тем я спросила у членов комиссии В. Кетлинской, Н. Новоселова и других, уполномочивала ли комиссия Воеводина посылать в суд вообще какую-либо бумагу, — и от всех получила возмущенный отрицательный ответ. Таким образом, имею основание считать, что бумага Воеводина не является выражением общественного мнения Союза».

Секретари встают на защиту Воеводина: «...Вы поставили под удар нашего хорошего и молодого товарища Е. Воеводина. Ему уже заявляют, что он действовал фальшивкой, что ему руки не будут подавать. А он вел себя мужественно, представляя организацию».

Вера секретарей в справедливость советского суда, в непогрешимость партийной печати незыблема. Чувствуя безоговорочную поддержку большинства, они демонстрируют беззаветную преданность партии, бесцеремонно громыхая самыми расхожими советскими словами. «Я призван партией защищать ее дело, чистоту ее линии, и я делаю это и буду делать со всей страстью...» — распалает-

ся Прокофьев, точно на многолюдном митинге, и предлагает принять решение: «Осудить линию поведения защитников тунеядца Бродского тт. Адмони, Грудининой и Эткинды, не информировавших СП о своей позиции в этом деле», и «перенести этот разговор на Секретариат».

В этой наэлектризованной обстановке каждое слово Грудининой воспринимается как политический выпад.

«Грудинина: Я считаю, что советский суд, советское законодательство не сказало еще последнего слова, а оно будет сказано в отношении этого странного суда. <...>

Прокофьев: Странная у тебя позиция, Грудинина, воинствующая позиция, несовместимая со званием советского писателя.

Авраменко: Эта воинствующая позиция такая же, как у самого Бродского.

Грудинина: Это позиция советского писателя, не согласного с решением районного суда. Мало ли что бывает в решениях районного суда. <...> А газету, в которой была напечатана эта статья, надо почистить, <...> там подлог был совершен.

Прокофьев: Протокол ведется. Я прошу все это записывать. <...>

Грудинина: Это вам не 1937 год, Александр Андреевич, не воскрешайте его снова.

Прокофьев: Прошу все это записать в протокол».

На этом заседание заканчивается.

КРУГ ТРЕТИЙ

1

26 марта у Секретариата выдался длинный хлопотливый рабочий день. На повестке дня, помимо нескольких текущих, стояло два крупных вопроса. Первый — о работе литобъединений «Кировский завод» и «Нарвская застава». Приглашено было 25 членов обоих ЛИТО с руководителями во главе. Заслушали отчеты: в объединения входят отнюдь не тунеядцы — рабочие, трудовая интеллигенция, студенты; темы берут хорошие, актуальные; идейно чуждых берут в штyki.

Но что же такое случилось, что руководство Союза, мало интересовавшееся литературной молодежью, вдруг пожелало встретиться с ней? Не благодаря ли прошедшему суду над Бродским оживилась эта работа?

«Нас не очень часто тешат такими собраниями здесь, в Союзе писателей», «Мы ничего не слышали о Комиссии по работе с молодыми авторами. Пользуясь сегодняшним случаем, нам хотелось бы узнать, что это за Комиссия...» — выступали приглашенные.¹²

«Просто руки не доходят, — оправдывался Е. Воеводин. — Вашу критику я принимаю целиком и полностью», — соглашался он, обещая в ближайшее время снова встретиться. (Кажется, не получилось, вскоре его сняли.) Всем захотелось почаще встречаться, Прокофьеву — так даже ежемесячно. С критикой он тоже был целиком и полностью согласен: «Все претензии, которые предъявляются к Союзу, абсолютно правильны...», — он ни в чем не походил на себя, каким был пять дней назад и каким снова станет через полтора-два часа.

После прений «литовцы» читали секретарям свои стихи, предварительно отобранные руководителями.

Но вернемся к стенограмме. В самом конце ее, после заключительных слов председателя: «Тогда переходим к текущим делам», значится: «(Дальнейший ход заседания не стенографировался)». Однако в действительности подробная запись продолжалась, только стенографистку из Бюро съездовских стенографистов сменила — дабы не выносить сор из избы — сотрудница Союза. Ибо следующим на повестке дня стоял вопрос: «О выступлении членов СП тт. Адмони, Эткинды и Грудининой на суде над Бродским».

2

Все та же, что и 20-го, тема, все тот же состав участников, с некоторыми, впрочем, изменениями: отсутствовал П. Капица, зато пришли Э. Грин, Н. Ходза и Д. Гранин, а также представители руководимых Грудининой литкружков завода «Светлана» и Дворца пионеров — оба люди серьезные, партийные; но был и «тов. Шабров В. В.» от Обкома КПСС, за все заседание не проронивший ни звука, так что вернее будет считать его не участником, но неким символом,

молчаливым напоминанием о высокой партийной ответственности, с коей присутствующим надлежало отнестись к обсуждаемому вопросу. Обозначенный в перечне действующих лиц М. Дудин либо тоже не выступал, либо вскоре ушел.

Экспозиция, казалось бы, предвещала, что это заседание завершится гораздо скорее, нежели прошлое, «непомерно длительное», по словам Прокофьева. Он и начал — призывом «решить как-то этот вопрос» и «раз и навсегда поставить точку над „i“». И продолжал: «Моя, например, точка зрения ясная: <...> я считаю, что решение суда справедливо — оно направлено на охрану нашего советского общества, наших общественных порядков. Хочу Секретариату зачитать документы, которых не было тогда на прошлом заседании. Это выступления Грудининой, Адмони, Эткинда, записанные на магнитофонную пленку». Начал читать, но не удержался, прервал чтение, предвкушая эффект, который произведет на обсуждаемых оглашаемый документ: «Тут не следственные, не судебные органы, а Секретариат, но мы взвешиваем выступления названных товарищей, оцениваем их во всей их политической значимости».

Негодование выплеснулось, едва он закончил.

«Грудинина: Откуда пришли эти фальшивки, откуда пришел этот клеветнический подлог? Можно заниматься чем угодно, разбираться в чем угодно, но только не подлогом заниматься на Секретариате».

Прокофьев: Товарищи, я прошу прекратить это безобразие. Грудинина не отдает себе отчета в том, что говорит. Она обвиняет меня в подлоге. Я прошу это записать».

Грудинина: Я обвиняю не вас, а тех, кто прислал вам этот гнусный подлог. Что это за методы перепечатывать выступления с магнитофонной пленки! Где сама пленка, почему ее сюда не принесли?

Адмони: Тут, действительно, сказано все столь лживо, что у меня возникают мысли, не склеили ли магнитофонную ленту так, как было угодно кому-то. Я тоже утверждаю, что у меня в моей речи не было ряда замечаний и утверждений, которые были прочитаны сейчас».

По требованию Эткинда приносят тексты показаний свидетелей защиты, и те вновь их зачитывают. Просят Хренкова, который был на суде, подтвердить соответствие прочитанного тому, что там говорилось. Он подтверждает: «Да, в общем, все это так».

«Товарищи, — говорит Эткинд, — я обращаюсь к своей организации. Неужели мы переживаем такой момент, когда наш Секретариат может огласить подобный документ, не показав его раньше нам, не пригласив нас раньше. У меня такое впечатление, что мы пришли сюда сейчас как на трибунал. Нас поставили перед таким фактом — прямо скажем, перед очень страшным фактом». — «Мне дали эти документы — и я их огласил», — беспечно отвечает Прокофьев.

В дальнейшем эта тема то затухает, то разгорается вновь. Слово «подлог», запавшее Прокофьеву в душу, вдруг взрывает его: «...Я никак не потерплю таких упреков, которые делает в мой адрес Грудинина. Какой я подлог делаю на Секретариате? Надо, чтобы она думала, что говорит!»

Грудинина: «Да, я думаю, и говорю не о вас, а о тех, кто вам дал этот подлог, кто размагнитил пленку и с нее печатал. Где пленка? Это не документы, а подлог».

Прокофьев внезапно остывает: «Если вы их не считаете документами, я с удовольствием с ними прошусь. Я не хочу копаться в этом деле, но я только грудью защищаю честь советской организации и чувство собственного достоинства». Но и в дальнейшем он продолжает именовать фальшивку документом.

Так что же это за документ? Откуда он взялся и почему вылез на свет божий как раз в нужный Секретариату момент?

Как мне кажется, «накликала» «запись» Грудинина, сказавшая на предыдущем заседании: «В первом ряду зала <суда> сидел пресловутый родоначальник «дела Бродского» дружинник Гипрошахта Лернер и записывал мое и другие выступления на магнитофонную пленку. Неплохо было бы прослушать эту запись». Секретари, естественно, заинтересовались «записью», и кто-то (вернее всего, «молодой хороший товарищ» — ведь не самим же писателям-секретарям было заниматься этим «техническим» вопросом!) связался с Лернером, тот быстро изготовил «документ» и передал в Союз.

Однако пора перейти непосредственно к «записи», взглянуть в нее. Это отнюдь не стенограмма заседания суда в целом и даже не полная запись выступлений свидетелей защиты, а всего лишь три небрежно (точнее, неумело) напечатанных на машинке листка с неважно сочетающимися словами и острым дефицитом запятых, озаглавленные: «Из выступления т. Грудининой», «...т. Эткинда», «...т. Адмони», каждый — с примечанием внизу: «(Перепечатано с магнитофонной лен-

ты)». Тщательно сличив этот текст с записью Ф. Вигдоровой, нам не удалось обнаружить ни одной полностью совпадающей фразы — лишь несколько сходных словосочетаний или небольших фрагментов фраз, неуклюже или пародийно напоминающих подобные места у Вигдоровой.

Весьма своеобразно изъясняются в «записи» прекрасно владевшие русским языком поэтесса, много лет занимавшаяся воспитанием молодых литераторов, и два литературоведа, вузовские профессора...

Говорит «Грудинина»: «Бродский — это талант. <...> Бродский — сосредоточенный и умный я бы сказала способный человек. Я его ставлю на голову (!) выше иных признанных молодых поэтов. Он ценен как талантливый среди поэтов-переводчиков. Я высказываю свое мнение. Лично от себя. У нас свободная страна, кто хочет может работать, а другие могут заниматься своим делом».

Говорит «Эткинд»: «Я доцент института Герцена. Я работаю с писательской молодежью. Я редактирую устный альманах». Бродский «мне прочел два перевода молодого поэта. Эти переводы произвели на нас колоссальное впечатление. Мы попросили прочесть несколько строк по-польски. Бродский сказал, что не знает польский язык. Но затем взял руками лоб и прочел на польском языке всю поэму. Это гениально. <...> Повторяю, Бродский гениален...»

Третий текст, наиболее самобытный, просится быть приведенным полностью: «Из выступления КРАСНЫЙ Адмони Вольфовича

Я профессор, кандидат (не слышно) меня хорошо знают в стране. Я Бродского почти не знаю, но я являюсь 30 лет воспитателем. Я переводчик и литератор. И слежу за молодыми литераторами-переводчиками. Бродский Иосиф, человек большой культуры и высокого мастерства. Гениальность его несомненна. Он должен был много трудиться, чтобы сделать столько сколько он сделал переводов. Бродский не тунеядец. Это выдумка. Нелепая выдумка. Я считаю всякий труд для общества полезным, даже если он в настоящее время не дает пользы, а Бродский переводил с польского, испанского и сербского языков. Он проделал огромную работу по переводам. О том, что он талантлив, было признано бюро секции. Бюро секции следило за работой Бродского и я смею утверждать, что он гениален. Мы приходили на вечера, где выступали молодые. Слушали там и Бродского.

На вопрос общественного обвинителя Красный ответил:

Переводы Галчинского я слышал, как читал Бродский. Я считаю его высокоталантливым человеком. Когда узнал, что судят Бродского пришел его защищать. О его большом таланте сужу из разговоров также моих близких и друзей».

Фальсификатор поставил перед собой элементарную задачу: вбить в свой текст побольше хвалебных эпитетов, чем и доказать, что каждый из троих защищает «злостного тунеядца» в полном смысле «с пеной у рта». Но он явно переборщил: у «Грудиной» Бродский и «один из лучших поэтов последнего времени», и «переводчик, талантливый из всех» (как Маяковский у Сталина — «лучший и талантливый!»). Кажется, куда дальше! Но тут к нему привязалось словечко «гениальный» — по три раза оно повторяется у «Эткинда» и «Адмони». А надо сказать, что реальные Грудинина, Адмони и Эткинд в своих показаниях обходились вообще без эмоциональных оценок. Наиболее сильный эпитет из употребленных ими — «замечательный поэт» (Эткинд) относится к... К. И. Галчинскому; о Бродском же — «талантливый», «человек редкой одаренности». «Гениальный» — это из речи свидетеля обвинения Смирнова («все говорили, что он <...> чуть ли не гениальный»), из заметки в «Вечернем Ленинграде» («возмнив себя литературным гением, вещает о своей якобы гениальности»). Словно предчувствуя появление подделки, Эткинд подчеркивал на заседании 20 марта: «Я не говорил на суде о Бродском как о гении».

В первой, «грудининской» записи фальсификатор по-настоящему еще не расписался. Но он ищет и находит свой стиль, и далее в «записях» господствует стихия балаганного представления с характерными для него саморазоблачительными монологами, которые у Лернера произносят герои — два «профессора-знайки» (оба: «Я..., я..., я...»).

Каждым словом лернеровские «профессора» расписываются в своей глупости. Особенно удалась концовка: «Лично я стихи Бродского не знаю, но считаю его гениальным» («Эткинд»); «О его большом таланте сужу из разговоров близких и друзей» («Адмони»). Тут уж любой зритель, даже ребенок, поймет, что это самые настоящие «профессора кислых щей».

Ну если уж *такой* текст Секретариат Правления ЛО СП РСФСР (при наличии кворума!) всерьез счел принадлежащим действительно крупным, известным в Союзе и за его пределами литераторам, тогда автор «записей» вполне мог бы претендовать на членство в ССП.

Но, может быть, все было и куда печальней: писатели-секретари, поставленные руководить «писательской массой», в силу недостаточной квалификации приняли грубую подделку за подлинные речи своих коллег?

Истина, как это нередко бывает, лежала где-то посередине. Секретари страстно хотели, чтобы *такой* вот — безответственно хвалебный текст произносили обсуждаемые, — тогда легче будет обвинить их в «политической незрелости» и прочих грехах, легче будет осудить. Прокофьев — тот даже не сдержался, прервал чтение «документа», предчувствуя легкую победу. И если это учесть, то не удивительно, что ни один из полутора десятков собравшихся профессионалов не усомнился в подлинности «записей» и не назвал их своим именем — *поггелка*. Напротив, они, вооружась фальшивкой, уже готовы были вцепиться в обвиняемых, и только резкий отпор не позволил им это сделать.

Какова же реакция секретарей на разоблачение подлога? Они всячески стремятся замять эту тему, уйти от нее. Прокофьев вдруг обрушивается на качество перевода Бродского Галчинского, хотя сам никогда этого поэта не переводил и с подлинником переводы, разумеется, не сверял; Браун заявляет: «У нас и так имеется достаточный материал без этих документов»; Ходза: «Товарищи, раз лента размагничена, так, действительно, на нее нечего и ссылаться».

С фальшивкой не получилось — вернулись к старым обвинениям: снова завели речь о заработках Бродского, о его «политическом лице» и «политической слепоте» его защитников, вновь упрекая их в том, что они не посоветовались с Секретариатом. И тут выясняется, что — советовались.

«Мне предъявили очень серьезное обвинение, <...> что я не согласовала свое выступление на суде с Союзом, — говорит Грудина. — <...> Я была в Союзе, говорила с т. Сергеевым — спрашивала его, что будет делать Союз, будет ли кто на суде. Он сказал, что Союз этим заниматься не будет — не будет вмешиваться в эти дела. Я сказала ему, что хочу говорить в защиту Бродского от тунеядства, что я пойду к парторгу Союза. Сергеев сказал, что это мое личное дело и что я могу делать что хочу. Это вы мне сказали, тов. Сергеев?»

Некрасов: А почему ты на прошлом заседании этого не говорила, Грудина?

Грудина: Ну, знаете, товарищи, на прошлом заседании все говорили столько, сбивая друг друга, — значит, забыла».

Сергеев, который просто обязан был что-то ответить, и на этот раз не проронил ни слова.

«Странная у тебя позиция, Грудина», — воскликнул Прокофьев. Эти слова он должен был адресовать Сергееву, который на прошлом заседании ораторствовал, распалась: «Прежде чем идти в суд и защищать его, не зная его облика, вы бы посоветовались с секцией, с Секретариатом. Вы же члены организации, члены Союза писателей, у нас же есть Устав!» (В Уставе на этот счет не сказано было ничего, но какое это сейчас имело значение?!)

Выясняется, что и Эткин обращался по тому же поводу в Союз: «На третий день после появления статьи в «Вечернем Ленинграде»¹³ я говорил Гранину, что нам, нашей комиссии надо обсудить это дело <...>. Но Гранин сказал, что Союз этим не будет заниматься. Несколько позже я снова говорил с ним...»

Итак, Грудина и Эткин пытались действовать через Секретариат, но получили категорический отказ. И тогда пошли на суд, чтобы помочь ему разобраться, что Бродский, активно работающий как переводчик, тунеядцем не является. И теперь, когда все выяснилось, естественно было ожидать, что секретари по-иному взглянут на дело. Но, как видим, этого не произошло.

В связи с этим обстоятельством я вынужден на время прервать повествование о разбирательстве и обратиться к событиям, которые предшествовали суду.

«23 октября 1963 года ко мне, в то время командиру оперативного отряда добровольной народной дружины, — вспоминал главный «двигатель» дела Бродского Я. Лернер двадцать шесть лет спустя, и это, пожалуй, единственное правдивое место в его на редкость вздорной версии истории суда, — обратился с официальным письмом заведующий отделом охраны общественного порядка Ленинградского горкома ВЛКСМ Г. Иванов с просьбой рассмотреть вопрос о И. Бродском, который долгое время нигде не работал, и, если понадобится, провести над ним товарищеский суд».¹⁴ Получив «комсомольское задание», Лернер принялся ретиво его исполнять: инициировал появление в газете «Вечерний Ленинград» фельетона «Окололитературный трутень», получил заключение паспортного отдела милиции, а также письмо прокурора Дзержинского района, содержащее требование о передаче дела в народный суд. И тогда пошел в Союз писателей. С его участием вопрос о Бродском разбирался на заседании Секретариата ЛО. Вот текст протокола этого заседания.

«Протокол № 21

заседания Секретариата ЛО СП РСФСР совместно с членами партбюро
ЛО СП от 17 декабря 1963 г.

Присутствуют: тт. Прокофьев, Браун, Чепуров, Гранин, Шестинский, Ходза, Сергеев, Федоренко, Бейлин, Абрамкин, Капица, Дмитриевский, Азаров, Новиков, Воеводин, Миллер, Подзелинский, Шейкин, Кукушкин.

Командир опер. отряда дружины Гипрошахт т. Лернер.

Порядок дня: 1. Письмо прокурора Дзержинского района. <...>

Т. Лернер: Зачитывает письмо прокурора Дзержинского района о И. Бродском, с требованием предать его общественному суду.

Т. Лернер дает характеристику т. Бродского, иллюстрируя ее выдержками из его дневника и писем, адресованных ему, а также редакции газеты «Вечерний Ленинград» по поводу напечатанной статьи «Окололитературный трутень».

Выступили: тт. Прокофьев, Браун, Капица, Дмитриевский, Чепуров, Кукушкин, Азаров, Абрамкин, Брыкин, Федоренко, Гранин, Шейкин, Новиков, Подзелинский, Ходза, Шестинский.

и ЕДИНОГЛАСНО

РЕШИЛИ: 1. В категорической форме согласиться с мнением прокурора о предании общественному суду И. Бродского. Имея в виду антисоветские высказывания Бродского и некоторых его единомышленников, просить прокурора возбудить против Бродского и его «друзей» уголовное дело.

2. Просить Горком ВЛКСМ вместе с Лен. отделением Союза писателей ознакомиться с деятельностью кафе поэтов.

3. Считать совершенно своевременным и правильным выступление «газеты» «Вечерний Ленинград» со статьей «Окололитературный трутень».

4. Поручить выступить на общественном суде тт. Н. А. Брауну, В. В. Торпыгину, А. П. Эльшевичу и О. Н. Шестинскому.¹⁵

В этом документе заслуживают внимания прежде всего следующие моменты:

1) колоссальная активность участников заседания: из 20-ти присутствовавших выступило 16, причем все — с осуждением Бродского;

2) рекомендацию прокурора о вынесении дела на общественный суд сочли чересчур мягкой и единогласно потребовали возбуждения уголовного (фактически политического) дела, что грозило лагерным сроком, причем уже не одному Бродскому;

3) для выступления на суде из литераторов, принадлежавших к «руководящему звену» Союза, была сформирована целая бригада общественных обвинителей;

4) из 20-ти присутствовавших 10 будут участвовать затем в обсуждении поведения на суде свидетелей защиты, причем ни один из них и словом не обмолвится об этом заседании.

Но почему Секретариат, столь резко прореагировавший на «дело» вначале, рвавшийся на суд, чтобы сурово покарать Бродского, отрядил туда вместо четырех «опытных товарищей» только одного — молодого неопытного? Скорее всего, секретари просто-напросто охладели к своей затее: ну что им был этот молодой поэт, членом Союза не являвшийся и существовавший независимо от него, лишь несколько раз «мелькнувший» в Союзе со своими стихами и переводами, — они за него ответственности не несли! И поэтому, когда дошло до суда, выступить поручили Е. Воеводину. А тот в спешке выполнил задание неуклюже — изготовил фальшивую справку и на суде был изобличен.

Если бы все открылось, если бы партийные органы узнали о том, что секретари похерили свое решение от 17 декабря, не миновать им тогда обвинений в «политической близорукости» («политической слепоте», халатности, «преступном легкомыслии» и т.д.), не избежать партвызысканий. Нападая на свидетелей защиты, обвиняя во всем их, они спасали себя, свою партийную репутацию. И потому длительное разбирательство, к которому мы можем теперь вернуться, проходило в атмосфере коллективной лжи.

Но тут все-таки случился прорыв.

Д. Гранин ползаседания просидел молча, в спорах не участвовал, входя в суть полемики, заслужив за это упрек от нетерпеливого Авраменко, и выступил лишь когда у него сформировалось собственное, во многом независимое мнение. Сначала сказал о злополучных «записях»: «...Я как член Секретариата, но не от имени Секретариата — должен извиниться перед тт. Адмони, Грудининой и Эткиндом за то недоразумение, которое произошло в начале заседания и которое они, представляя себе, как пережили. Таких недоразумений у нас не должно быть. <...> Для меня в этом деле есть одна неясность. Вызывают моего товарища в суд в качестве свидетеля. Имеет он право выступить в суде и высказать свою личную

точку зрения? По-моему, каждый гражданин, в том числе и члены СП, имеют это право. И в этом отношении, если они все это делали от своего собственного лица, у меня к ним нет никаких претензий».

Однако в вопросе о «политическом лице Бродского» Гранин поддержал мнение Секретариата и осудил выступление свидетелей защиты как «однобокое». (Вскоре он полностью перешел на сторону защитников Бродского. Л. Чуковская записала в своем дневнике: «8 мая 1964 г. Гранин написал заступническое письмо Руденко, а впоследствии, вместе с Дудиным, посетил секретаря ЦК по идеологии П. Н. Демичева».¹⁶

Следующая часть выступления Гранина разрушила монолитность секретарей: «По существу сегодняшнего вопроса я хотел еще сказать одно. Неверно, когда говорят, что Бродский — это человек, стоящий вне литературы. Стихи Бродского способные, одаренные; есть, конечно, и плохие, негодные стихи, но рядом стоят хорошие, он популярен среди молодежи; из-за этого всего и сыр-бор-то разгорелся. Если бы это был бездарный человек, политическое ничтожество, не вязывалось бы в это дело столько людей. Дело сложное, случай трудный. Так тем более и разбираться в нем надо терпеливо и спокойно». Но творческая сторона секретарей интересовала менее всего, стихов Бродского они не знали. «Ну как он может быть популярным, когда у него ничего не напечатано», — недоумевал Прокофьев. Сергеев и Авраменко резко осудили позицию Гранина.

Беспокойство за свое пошатнувшееся положение в Комиссии по работе с молодыми писателями побудило выступить Е. Воеводина. Оказывается, накануне Гранин выразил намерение собрать комиссию по поводу воеводинской фальшивки. И вот теперь, ободренный поддержкой большинства, Воеводин перешел в наступление: «Я <...> влез в это дело не только потому, что мне поручили его Секретариат и партбюро, а потому, что я как коммунист не могу принять своим сердцем людей, подобных Бродскому». Однако Гранин подтвердил, что комиссия будет собрана, вызвав этим неудовольствие Прокофьева и других. (Действительно, через несколько дней заседание комиссии состоялось, и Воеводин был из нее изгнан.)

Снова — в который раз! — заговорили о «политической слепоте» защитников Бродского. Больше всего «политических синяков» выпало на долю Грудининой, вопрос об отстранении которой от руководства кружками сделался центральным. Ее рискованные заявления о несправедливости решения суда, о том, что «газеты занялись голым вымыслом», вызывали взрывы негодования. Стремление ходатаев от кружков доказать, что Грудинина «идеологически чиста, идеально чиста как коммунист и не может занести сор в чистую среду», не имели успеха. «Поведение Грудининой несовместимо со званием советского писателя», — дважды повторяет Прокофьев, давая понять, что она может лишиться не только кружков, но и членского билета. Но в конце чуть смягчается, видимо, поняв, что она этого так не оставит: «Я не решаюсь сейчас на более суровую и крайнюю меру, которую она заслужила и которую можно было бы к ней применить, но пусть она почувствует, что и это решение — суровое наше осуждение».

Наконец приняли окончательное решение:

1. Осудить поведение членов СП Адмони, Грудининой и Эткинда, выразившиеся в необдуманной защите тунеядца Бродского.

2. В связи с политической незрелостью освободить Н. И. Грудинину от руководства литкружками в Доме пионеров и на заводе «Светлана».

3. Подтвердить выступление на суде Е. Воеводина — считать его правильным и отвести обвинения в его адрес Дара, Долининой, Меттера.

4. Указать Н. Грудининой на несовместимость ее поведения со званием члена СП. Объявить ей строгий выговор с предупреждением.

Все проголосовали «за», и только по третьему вопросу — при одном воздержавшемся (Гранине). Решили несколько текущих дел и разошлись.

3

Надо сказать, что сотрудница Союза, стенографировавшая обсуждения 20 и 26 марта, записала все достаточно подробно, чтобы мы могли получить представление об аргументации сторон, о накале страстей и субъективных особенностях речи действующих лиц. И все же один нюанс она отразила неполно — грубость, с которой вела дискуссию «нападающая сторона». Вот два свидетельства участников: «Свиноподобный А. Прокофьев, багровея, кричал долго и несуразно. Воспроизвести его крики невозможно. Он захлебывался и хрипел»;¹⁷ «С Граниным говорили грубо, перебивали его, запугивали».¹⁸

Грубость была вызвана бессилием секретарей, не имевших весомых доводов сколько-нибудь убедительно обосновать свою позицию и потому хватавшихся то за фальшивую справку, то за поддельную магнитофонную запись, тогда как у другой стороны исчерпывающих доказательств своей правоты хватало с лихвой.

Собственно, никакой *своей позиции* у Секретариата не было. Высший орган ЛО СП РСФСР, он являлся к тому же звеном советской власти («Секретариат — орган, помимо литературного, еще и политический орган»; «Наш секретариат — это инстанция Советской власти», — неустанно повторял Прокофьев), причем низким звеном, инстанцией самой незначительной. Ибо призван был всего лишь должным образом отреагировать на присланное районным судом отношение; на заметки в печати, осудившие поведение членов Союза на суде; на разговоры накануне в — всего лишь! — райисполкоме. В связи с этими разговорами особое беспокойство проявлял Браун: «Вчера на сессии Дзержинского исполкома, — говорил он 20 марта, — возмущались товарищи поведением членов нашего Союза, так непродуманно и безответственно выступавших на суде. Причем вина (обвинение? — Э. Ш.) бросается не только в их адрес, а и в адрес организации, членами которой они являются. К нам еще будут вопросы, и устные, и письменные»; «На днях, — повторял он 26-го, — на сессии райсовета говорили об этом, говорили гневно и справедливо. *И мы сейчас не можем поступать иначе, не можем иметь другого отношения к этому делу...*» Этой последней, подчеркнутой мною фразой он с предельной полнотой выразил (скажем точнее: выдал, нехотя разоблачил) истинное — жалкое положение Секретариата, собственного, независимого мнения не могущего иметь. Потому-то и не был услышан секретарями ни один довод свидетелей защиты и настоящего разбирательства не было, одна видимость его, и как началось с обвинений, так осуждающей резолюцией и закончилось. Но нельзя, цепляясь за это вырвавшееся у Брауна откровение, сделать вывод, что секретари своим положением тяготились, действовали вынужденно, из-под палки — напротив, «чутко реагируя на сигналы сверху», как выражалась в подобных случаях партийная печать, они выступали — страстно, словно бы лично были оскорблены поведением своих «товарищей» и «тов. Бродского», говорили — искренне, если можно так выразиться, зная, к какой демагогии, к подтасовке скольких фактов им пришлось прибегнуть. Это качество формировалось у них десятилетиями.

Восемь лет отделяли описываемые нами события от XX съезда КПСС, на котором Хрущев выступил с разоблачением культа личности. Писатели-секретари, сформировавшиеся как писатели во времена культа, все еще продолжали жить в прошлом.

Ленинградская писательская организация в годы «большого террора» понесла громадный урон. Наибольшие потери относятся к концу 30-х годов, когда по сфабрикованному Ленинградским НКВД так называемому «Ленинградскому писательскому делу» десятки писателей были схвачены и обвинены в создании подпольной террористической писательской организации.

Следственные материалы, опубликованные в последние годы, позволяют получить представление о методах ведения следствия сотрудниками НКВД. Читая протоколы заседаний 64-го года, наталкиваешься порой на формулировки, от которых веет (в данном контексте точнее будет сказать: несет) прошлым, а в репликах обвинителей-секретарей нет-нет, да и прозвучат, пусть не так громко, не так грозно, голоса довоенных времен. Вот лишь один пример: «Чепуров: Все это носит какой-то *организованный характер*, все имеет нехорошую основу.

Прокофьев: А вчерашние выступления Дара и Меттера были разработаны как по нотам.

Е. Воеводин (подхватывая последние слова и развивая тему): В этом деле все было организовано как по нотам — была *целая организация*, и режиссировала всем этим Грудинина» (курсив мой. — Э. Ш.).

Таким образом, защитникам Бродского «шьют» групповое дело — обвиняют в предварительном сговоре и выявляют «главаря».

Бескомпромиссное отстаивание Адмони, Грудининой и Эткиндома своей позиции ставит секретарей в тупик — это для них непривычно, так как идет вразрез с укоренившимся с довоенных времен обычаем «публичных чисток», когда жертва, выставляемая перед коллективом, обязана была «идейно разоружиться» — взять на себя все, что ей инкриминируют. Редко кто тогда осмеливался возражать, и на поддержку рассчитывать не приходилось. Но теперь, на собрании 19 марта, свидетели защиты были поддержаны Д. Даром, Долининой, Линецкой, Меттером, а также сочувствием большей части зала. После чего Прокофьев, понимая, что ни на общем собрании, ни на Правлении обсуждения-осуждения не

получится, отдает распоряжение устроить его в узком секретарско-партийном кругу: «Вызовем того, кого нам надо!» Однако на ближайшем собрании Адмони, Грудинина и Эткинд снова получили поддержку.

КРУГ ЧЕТВЕРТЫЙ

Со времени суда над Бродским прошло около года. Многие деятели культуры Москвы и Ленинграда включились в кампанию по его вызволению из ссылки — обращались с требованиями в партийные, советские и судебные органы. В ответ нехотя создали две или три проверочные комиссии, одну из них — по поручению ЦК КПСС и Генерального прокурора. По совету Миронова целый ряд известных литераторов подписал поручительство о взятии Бродского на поруки. Но окончательное решение о его освобождении все оттягивалось, в чем главную роль играли Ленинградский Обком и КГБ.¹⁹

14—15 января 1965 года проходило отчетно-выборное собрание писателей Ленинграда. «Чем знаменателен 1964 год? — спрашивал Прокофьев по ходу своего доклада и сам себе отвечал: — Дальнейшим развитием советской демократии, укреплении ленинских норм в жизни советского общества...»²⁰ А ведь минуло всего три месяца с того дня, как Хрущева, о встрече с которым он с такой проникновенностью рассказывал на прошлом собрании, на посту Первого секретаря сменил Брежнев. Времена менялись, и старое руководство Союза делало вид, что меняется вместе с ними.

Докладчик отметил крупные достижения, а также отдельные недостатки, все еще встречающиеся, в частности, «ложноноваторские поиски», которые «у нас бытуют среди некоторой части поэтической молодежи». Но фамилий «ложных новаторов» не назвал и даже о «деле Бродского», которым Секретариат так энергично занимался в отчетный период, не упомянул.

Зато подробно остановился на «деле» М. Панич: «Всем известна история с поэтом Бродским, она служила даже предметом обсуждения на наших заседаниях. Александр Андреевич Прокофьев в штыки встречал всякое стремление поднять этот разговор, но отнюдь не в штыки встретил то обстоятельство, что молодой Воеводин явился в народный суд для того, чтобы своими показаниями и фиктивными справками помочь отправить поэта в тюрьму...» Говорил и о нападка на Адмони, Грудинину и Эткинда со стороны тех, «кто создает творческую атмосферу в нашем Союзе», и о том, что «в таких условиях может происходить некоторое угасание творческой жизни в Союзе».

Резко выступил А. Македонов, много лет проведенный в сталинских лагерях: «А. А. Прокофьев ни слова не сказал о так называемом «деле Бродского» <...> Я не сомневаюсь в добрых намерениях даже Прокофьева, который был старым чекистом.²¹ <Но> на суде читался подложный документ, якобы магнитофонная запись. В Секретариате выяснилось, что это подлог. Это признали люди, которые фабриковали подлог. Их нужно осудить. В особом решении суда, подписанном Савельевой, есть клеветническое заявление. Эту Савельеву саму надо судить, а мы, вместо того, чтобы поставить вопрос об ответственности тех людей, которые вели себя заведомо грязно, осудили свидетелей защиты, которые по требованию суда говорили то, что они знают».

«Несколько лет назад ходил по Ленинграду начинающий поэт Бродский, неврастеничный, трудный, фрондер Бродский, парень с головой однако, увлеченный стихами и отдающий им дни и ночи», — так начала свое выступление Грудинина и далее подробно рассказала о нарушении законности «обвинителями» Бродского, которым «пришлось прибегнуть к подлогам и фальсификациям, к подтасовке фактов, к клевете и провокации в печати».

Не все, стремившиеся высказаться относительно «дела Бродского», сумели это осуществить. Не дали слова Б. Вахтину, и он передал Прокофьеву в президиум записку с конкретными вопросами по «делу». Но ответа не получил. Приводим, с некоторыми сокращениями, текст несостоявшегося выступления Вахтина.

«Я всегда считал, что нет на свете призвания более высокого, чем призвание литератора, что нет на свете дела более важного, более жизненно необходимого обществу, чем дело, которое делают литераторы, и что нет занятия более трудного, ответственного, вредного для здоровья и даже, я бы сказал, опасного для жизни, чем занятие литератора. Труд литератора — тяжелый труд, труд упорный.

И поэтому для меня было потрясением, когда в юридическом коридке народный суд осудил молодого поэта и переводчика И. Бродского, только-только начавшего свой тяжелый литературный путь, осудил как бездельника, трутня и

лодыря, как тунеядца. Впервые, может быть, в истории нашей словесности труду писателя было юридически отказано в названии труда, впервые это дело было названо бездельем. <...>

Я хочу говорить о тех поэтах и прозаиках, о тех литераторах, которые были избраны писателями руководить нашим писательским союзом и которые не только не помогли суду избежать этой ошибки, но, наоборот, изо всех сил помогли эту ошибку совершить. Почему руководитель нашего союза А. А. Прокофьев, почему Секретариат в целом не помогли народному судье, народным заседателям понять, что литературный труд — это именно труд, что дело литератора — дело, которому мы посвятили свои жизни, — это не безделье? Почему вы скрыли от суда, что Бродский — блестящий переводчик, что он не пьянствует, не лодырничает, а работает, как каторжный? Почему вы отмахнулись от того, что говорили и писали по этому делу такие его знатоки, как С. Я. Маршак, К. И. Чуковский, А. А. Ахматова? Этого мало. Вы сделали почти все от вас зависящее, чтобы втоптать в грязь в этом случае высокое призвание литератора, вы сотрудничали с таким деятелем, как Лернер, в этом занятии, и именно вы помогли опять-таки в данном случае представить перед всем миром в ложном свете положение писателя в нашем отечестве.

И когда я думаю, что секретариат наш, А. А. Прокофьев — люди, которым доверено хранить честь нашего союза и его лицо, — что эти люди в данной, такой еще совсем, в сущности, простой и, что ли, безобидной ситуации это лицо потеряли, то я меньше всего склонен упрекать в произошедшем судебные или какие иные инстанции, у которых по горло своей, тоже тяжелой работы. В том, что случилось, виноват Секретариат и, прежде всего, А. А. Прокофьев.

Столь же необъяснимо и недопустимо и то, что случилось с тремя уважаемыми членами нашего союза — В. Г. Адмони, Н. И. Грудниной и Е. Г. Эткиндром, которые совершенно открыто и честно принесли перед народным судом свидетельские показания. Так вот за эти свидетельские показания, которые разрушали картину, нарисованную в фальшивке Евгения Воеводина, только за то, что эти три литератора помогали нашему советскому суду выяснить истину, Секретариат обрушился на них с проработкой, грозил им репрессиями <...>. Такая, знаете, расправа за свидетельские показания пахнет теми временами, когда кровь рекой лилась, а мы про те времена забыть не имеем права <...>.²²

Невозможно представить себе, чтобы столь ответственное мероприятие могло состояться без партийного пригляда. На этот раз в президиуме сидели целых три представителя обкома. Один из них, секретарь ОК КПСС Богданов, выступил с пространной речью в самом конце собрания. Чувствуя беспокойную обстановку, он стремился не слишком раздражать аудиторию, но тем не менее гнул свою, обкомовскую линию. Поначалу приободрил зал, поставив Ленинградскому отделению в целом положительную оценку. Выявил и ряд крупных просчетов. К примеру, такой: «В докладе отмечались последние работы ленинградских писателей, но не было ответа на тот вопрос, который возникает: а какова же роль писательской организации, в том числе руководящих ее органов, в создании этих произведений? Это серьезный недостаток в работе общественных организаций нашей писательской организации, в том числе и прежде всего нашего правления».

Что могли ответить писатели на «тот вопрос, который возникает»? — задумаемся и мы. Трудный был задан вопрос, нелегко было отыскать достойный ответ. А между тем передовые рабочие ждали появления «масштабных произведений»...

Затем оратор перешел к вопросу «о товарище Бродском, который вызвал наибольший интерес у выступавших». Признал, что «выступление т. Грудниной было наиболее объективным из всех», но — относительно объективным, ибо «т. Груднина не все сказала так, как нужно было сказать. <...> Полтора года назад Бродский (здесь без «т.»! — Э. Ш.) пытался совершить акт измены Родине, захватить самолет и улететь». По делу Уманского-Шахматова, на которое он намекал, Бродский был полностью оправдан, и Богданов об этом прекрасно знал. Упомянув об этом, дал понять, что обком решительно против досрочного освобождения поэта из ссылки. (Позднее, в 1966 году, Первый секретарь обкома В. С. Толстикова назвал освобождение Бродского «крупной политической ошибкой»). Разумеется, поддержал он решение райсуда: «...Если и были какие-либо процессуальные нарушения, они никакого решающего влияния на определение суда не оказали». Закончил выступление чиновничьим афоризмом: «Надо всегда освещать факты так, как это имеет место в действительности».

В своей речи Богданов часто употреблял притяжательное местоимение «наш»: «наш Союз», «наша писательская организация», «наше правление». Это не было оговоркой: Союз, действительно, был — их. Однако на этот раз у них не получилось.

Правда, путем голосования оценили работу старого Правления как «удовлетворительную» — но только потому, что пожалели председателя: «Когда пятнадцать мальчишек бьют одного, — сказала Долинина, — мне хочется за него заступиться, и я обычно заступаюсь. Я не хочу кидать камень в А. А. Прокофьева».

Приступили к выборам нового Правления. Список кандидатов, заранее, как всегда, подготовленный партгруппой, никого не удовлетворил. Из зала посыпались дополнения: всего был назван 21 альтернативный кандидат — в том числе Грудинина, Адмони и Эткин; они были избраны. Авраменко прокатили. Прокофьев свою кандидатуру снял. Вместо него Первыми секретарями ЛО СП были избраны Гранин и Дудин. От имени Правления Гранин принес извинения Грудининой, Адмони и Эткину. Выговоры с них сняли. Через полгода был досрочно освобожден (но не реабилитирован) Бродский. Таким образом, прогрессивная часть Ленинградской писательской организации одержала маленькую, временную, но все-таки победу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Опубл.: «Огонек», 1988, № 49 (декабрь). Здесь и далее цитируется по этой публикации.

² ЦГАЛИ СПб., ф.371, оп.1, д.477.

³ ЦГАЛИ СПб., ф.371, оп.1, д.476.

⁴ Речь идет о стихотворении В. Сосюры «Люби Украину» в переводе А. Прокофьева, подвергшемся критическому разному в редакционной статье «Правды» «Против идеологических извращений в литературе» (1951, 2 июля).

⁵ ЦГАЛИ СПб., ф.371, оп.1, д.477.

⁶ Лернер Я. Маскарад: Откровения участника судебного процесса над Иосифом Бродским // «На страже Родины», 1990, 1 июля. Далее: Лернер.

⁷ Аресты, психушки, суд: Из книги Соломона Волкова «Разговоры с Иосифом Бродским» // «Литературная газета», 1997, 10 сентября. С.12.

⁸ См.: Гордин Я. Что за мифом? Возвращаясь к суду над Иосифом Бродским и записям Фриды Вигдоровой // «Литературная газета», 1997, 12 ноября. С.11.

⁹ См.: Галчинский К. И. Стихи. М.: «Художественная литература», 1967; в книгу включено четыре перевода Бродского (345 ст.).

¹⁰ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: 1963—1966 // «Нева», 1996, № 9. С.30. Далее: Чуковская.

¹¹ Имеется в виду статья А. Ионина, Я. Лернера и М. Медведева «Окололитературный трутень» («Вечерний Ленинград», 1963, 29 ноября).

¹² ЦГАЛИ СПб., ф.371, оп.1, д.477.

¹³ Речь идет о статье «Окололитературный трутень».

¹⁴ Лернер.

¹⁵ ЦГАЛИ СПб., ф.371, оп.1, д.646.

¹⁶ Чуковская. С.101.

¹⁷ Эткин Е. Записки незаговорщика. London, 1977. С.176.

¹⁸ Чуковская. С.94.

¹⁹ Якович Е. «Дело» Бродского на Старой площади // «Литературная газета», 1993, 5 мая. С.6.

²⁰ ЦГАЛИ СПб., ф.371, оп.1, д.499.

²¹ А. Прокофьев в 1922—1930 гг. работал сотрудником Полномочного представительства ВЧК-ОГПУ в Ленинградском военном округе.

²² Из архива Я. А. Гордина.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

ЕВГЕНИЙ РЕЙН. Стихи	3
ВАЛЕРИЙ ПОПОВ. Пропадать, так с музой. <i>Рассказ</i>	5
ТАТЬЯНА ВОЛЬТСКАЯ. Стихи	14
БОРИС РОХЛИН. Невольная карьера одного римского гражданина. Призрение. <i>Рассказы</i>	18
ДМИТРИЙ ПРИТУЛА. Брамс, квартет № 3. Факел. <i>Рассказы</i>	25
ЭЛЛА КРЫЛОВА. Стихи	35
ЕЛЕНА ПОЛТОРЕЦКАЯ. Стихи	36

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ИОСИФ БРОДСКИЙ. «Раб, пойди сюда, послужи мне!» <i>Перевод с английского Александра Сумеркина</i>	37
КЕЙС ВЕРХЕЙЛ. Вилла Бермонд. <i>Роман. Авторизованный перевод с голландского Ирины Михайловой</i>	42
ТОМАС ВЕНЦЛОВА. Стихи. <i>Перевод с литовского Владимира Гандельсмана</i>	78

ДИАЛОГИ

СОЛОМОН ВОЛКОВ. Разговоры с Иосифом Бродским. Детство и юность в Ленинграде. Аресты, психушки, суд	82
---	----

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ. Армейские письма к отцу. <i>Публикация, вступительная заметка и примечания Ксении Мечик-Бланк</i>	108
--	-----

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

СЕРГЕЙ ВОЛЬФ. Вокруг да около автографа	142
---	-----

МЕМУАРЫ XX ВЕКА

И. В. ЖИВОПИСЦЕВА. Живые картины (<i>Из воспоминаний о Гале, Булате и о себе</i>)	151
МИХАИЛ БЕРГ. Тридцать лет спустя (<i>30-я, 10-6, выпуск 1969-го</i>)	162

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

С. Б. ФИЛИМОНОВ, Д. В. ОМЕЛЬЧУК. «Выслать из пределов РСФСР без права возвращения...» <i>Следственное дело отца Сергея Булгакова</i>	178
---	-----

ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

ЭДУАРД ШНЕЙДЕРМАН. Крути на воде (<i>Свидетели защиты на суде над Иосифом Бродским перед судом ЛО Союза писателей РСФСР</i>)	184
ИГОРЬ СМЕРНОВ. «Европейская». <i>Из истории нравов</i>	200

ЭССЕИСТИКА И КРИТИКА

ЛИЛЯ ПАНН. Горячее зеркало	207
АЛЕКСАНДР ГЕНИС. Петербургские школьники о Сергее Довлатове	217

ТАКАЯ ВОТ ИСТОРИЯ

Я. ГОРДИН. Вступление	222
«Как честный советский человек...» <i>Публикация и вступительная заметка Анны Розиной</i>	223
АНОНИМ. Черновая поэма. <i>Фрагменты</i>	225
ПАВЕЛ ИРИНИН. Четыре стихотворения	226
В. И. ВЕЛИКАНОВ. Отец и мать. <i>Глава из книги «Судьбы людские»</i>	228